

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА (ТРЕНДОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Представлена методика проведения трендового исследования (2002–2012 гг.), описаны основные этапы эксперимента и результаты сравнительно-сопоставительного анализа трех ассоциативных полей.

Ключевые слова: языковое сознание, трендовое исследование, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, ядро языкового сознания подростка.

Понятие «языковое сознание» в Московской психолингвистической школе понимается как совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками; как совокупность образов сознания, формирующихся и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей [Тарасов, 2000. С. 26]. Для исследователя языкового сознания важным, на наш взгляд, является следующее положение: «понятие психологии сознания, будучи перенесено в психолингвистику в качестве готовой познавательной схемы, также получает частнометодологический статус и поэтому должно получить новое теоретическое осмысление. Специфика такого осмысления в психолингвистике состоит в формулировании представления о знании, ассоциированном с телом языкового знака и овнешняемого им» [Тарасов, 2001. С. 304].

Термин «языковое сознание» достаточно часто используется в психолингвистических, лингвистических, психологических, культурологических и этнолингвистических исследованиях, это словосочетание стало уже штампом, о содержании которого просто не принято задумываться, а исследова-

тели понимают его далеко не однозначно [Залевская, 2003а. С. 30].

Существует и традиция отождествлять сознание и языковое сознание, использовать эти термины как синонимы. Такое отождествление было характерно для начального этапа изучения языкового сознания как нового объекта психолингвистики (90-е гг.). Оно, безусловно, возможно, однако бесперспективно в методологическом и исследовательском плане. Еще в работе П. Я. Гальперина «Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления» обосновывается необходимость «различения двух форм общественного сознания: познавательного и собственно языкового, когнитивного и лингвистического» [1977. С. 97].

В лингвистике при изучении языкового сознания наблюдается еще одна тенденция: разграничение лингвистических и психологических подходов к объекту исследования, чтобы избежать редуцирования представления о собственном предмете [Стеценко, 1993]. В исследованиях последнего десятилетия упомянутое разграничение «психологии» и «лингвистики» при анализе языкового сознания проводилось, на наш взгляд, достаточно строго и на непротиворечивой, научно обоснованной методологической

базе (Е. Ф. Тарасов, А. А. Залевская, Т. Н. Ушакова, Н. В. Уфимцева, Е. И. Горшко, В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, Е. В. Харченко, Н. В. Дмитриук, А. П. Боргоякова, Р. Л. Османова и др.).

Очевидно, что в термине «языковое сознание» объединены две различные сущности: «сознание – психический феномен нематериальной природы (его нельзя измерить по пространственным признакам, нельзя услышать, посмотреть на него) и материальный феномен произносимой или записываемой речи, а также физиологический процесс формирования вербальных языковых связей» [Ушакова, 2000. С. 17].

На наш взгляд, большое методологическое значение имеет высказывание Т. Н. Ушаковой о том, что «при всей значительности понятия “языковое сознание” оно таит в себе опасность для научной мысли: при громадности проблемы связи психики и материи возникает искушение представить переход от одного к другому как простой и непосредственный. Однако этот переход возможен лишь в результате огромной работы природы, и без ее понимания мы не можем претендовать на научное объяснение взаимосвязи психического и материального» [Там же. С. 22].

Как любое междисциплинарное понятие, «языковое сознание» способно ввести в заблуждение исследователя, попадающего, по образному выражению А. А. Залевской, «в ловушку магии слов: если нечто языковое, то оно должно адекватно передаваться языковыми средствами, которые кажутся самодостаточными, полностью поддающимися анализу и описанию с позиций соответствующей науки – лингвистики; если речь идет о сознании, то вроде бы само собой разумеется, что ничего неосознаваемого (к тому же – не вербализованного!) изначально не допускается» [2003а. С. 30]. Для того чтобы вырваться из прокрустова ложа, которое задается термином-словосочетанием «языковое сознание», необходимо, по мнению А. А. Залевской, ответить на следующие вопросы: для решения каких познавательных задач, в какой исследовательской парадигме и на какой методологической основе можно (необходимо) использовать данное понятие.

Дискуссионным остается и вопрос о том, возможно ли изучение языкового сознания в традиционной (системной) лингвистике.

На этот вопрос, как нам кажется, нельзя ответить однозначно: ответ опять же будет зависеть от того, с какой целью, для решения каких исследовательских задач используется *языковое сознание* как познавательный инструмент (конструкт, модель). Так, И. А. Стернин отвечает утвердительно на данный вопрос и выделяет уровень традиционного лингвистического описания языкового сознания, предполагающий «обобщенное описание значений и употреблений языковых единиц и структур в отвлечении от психологии говорящего человека и психологической реальности выполняемого описания» и противопоставленный уровню психолингвистического описания языковых фактов. Второй уровень «отражает результаты экспериментальных исследований, в частности, выполненных с помощью различных ассоциативных экспериментов и других многочисленных экспериментальных процедур» [2005. С. 143, 144].

Несмотря на признание традиционного лингвистического уровня описания языкового сознания, И. А. Стернин отмечает особое положение психолингвистики как науки, исключительным предметом исследования которой является языковое сознание человека в его психологической реальности. Под языковым сознанием понимается «совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека» [Там же. С. 144]. Данное определение языкового сознания и как феномена, и как познавательного средства полностью отвечает требованиям психолингвистического анализа языковых явлений. Традиционный лингвистический уровень описания языкового сознания, предполагающий изучение того, «что есть в языке, что уже зафиксировано в текстах, словарях и устной речи, что устоялось, опеределилось и является общепринятым» [Там же. С. 143], требует, на наш взгляд, уточнения или изменения в определении самого объекта – языкового сознания.

Е. Ф. Тарасов, объясняя причины возникновения в отечественной психолингвистике такого понятия, как языковое сознание, отмечает следующее: «В лингвистике содержательная сторона языковых знаков описывается при помощи понятия “значение”, которое оказывается недостаточно

адекватным для описания содержания языковых единиц в речевом процессе, поэтому понятие “значение” используется в форме многочисленных модификаций: контекстуальное, коннотативное, стилистическое, узуальное, незузуальное и т. п. значение. Понятие “образ сознания”, заимствованное отечественными психолингвистами из общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева и состоящее из так называемых составляющих (образа) сознания, обладает несравнимо большими эвристическими возможностями для описания содержательной стороны речи» [2001. С. 302].

Подход к анализу содержательной стороны речевых процессов с использованием понятия «языковое сознание» является альтернативным лингвистическому подходу с его анализом при помощи значения. Языковое сознание как объект исследования появляется в рамках антропологической парадигмы в том случае, когда изучение языковых явлений не ограничивается анализом их в рамках языковой картины мира, «которая выводится из значения языковых единиц путем логико-рационального анализа текстов и словарных дефиниций» [Залевская, 2003б. С. 43], когда исследователь стремится описать психологическую реальность языковых феноменов, рассматривая язык как один из психических процессов, который может протекать только во взаимодействии с другими психическими процессами.

Непосредственная ненаблюдаемость сознания ставит исследователя перед проблемой формирования объекта анализа, выбора или создания новых методов и приемов обнаружения сущности языкового сознания. Знания о языковом сознании как об объекте анализа целиком зависят от средств и операций познавательной деятельности (Е. Ф. Тарасов). Однако описать содержание некоторой языковой единицы в том виде, в каком оно присутствует в сознании носителей языка, представляется недостижимым, по крайней мере при современном состоянии науки. Мы можем, по словам А. А. Залевской, лишь «строить определенные предположения, модели и подобное в отношении того, что не поддается прямому наблюдению, по-разному проявляется в экспериментах в зависимости от ряда взаимодействующих факторов и к тому же по-разному видится

нам под воздействием наших теоретических “флюсов”» [Залевская, 2003а. С. 32].

Основным же методом доступа к сознанию и неосознаваемым процессам мышления является ассоциативный эксперимент, который используется в психологии, лингвистике, социологии для решения самых различных задач.

Материалом для данной статьи послужили результаты трендового исследования (2002–2012 гг.), проведенного в общеобразовательных школах, гимназиях, колледжах и лицеях Омска. Трендовый эксперимент традиционно применяется в социолингвистике и относится к диахроническим методам исследования, когда «в двух разнесенных по времени обследованиях изучаются различные, но обладающие идентичными наборами социальных характеристик индивиды» [Беликов, Крысин, 2001. С. 323].

Наш эксперимент, проведенный с интервалом в 10 лет в одних и тех же общеобразовательных заведениях одного города на репрезентативной и достаточной выборке, предоставляет уникальную возможность сравнить данные, характеризующие «использование одних и тех же языковых единиц разными поколениями того или иного сообщества» [Там же. С. 324].

Эксперимент был проведен в 2002 г. Ассоциативные поля, смоделированные по результатам эксперимента, представлены в «Ассоциативном словаре подростка» [Гуц, 2004]. Для обеспечения репрезентативности выборки (500 анкет) учитывалось соотношение общеобразовательных школ, колледжей и учебных заведений инновационного типа (гимназий, лицеев, частных школ-лабораторий), которое можно представить в виде следующей пропорции – 4 : 1 : 1. При объеме выборки 500 число анкет для школ – 334, для учебных заведений инновационного типа – 83, для колледжей – 83. Кроме того, было обеспечено равномерное распределение участников эксперимента по всем районам города.

Для того чтобы повысить валидность, т. е. «соответствие конкретного исследования принятым стандартам» [Дружинин, 2003. С. 303], мы максимально приблизили условия проведения ассоциативного эксперимента к тем условиям, которые были обеспечены при проведении массовых ассоциативных экспериментов с носителями четырех славянских языков (белорусского,

болгарского, русского и украинского) и представлены в исследовании Н. В. Уфимцевой [2000]: использован тот же список стимулов (112 лексических единиц), привлечено то же количество испытуемых (500 чел.), письменная форма выполнения (каждый испытуемый получал бланк анкеты и должен был отвечать на каждый стимул первым приходившим в голову словом); анкеты генерировались методом случайных чисел, чтобы не было двух анкет с одинаковым порядком слов-стимулов, а значит, и столь распространенного в школьной аудитории списывания. Кроме того, многовариантное предъявление стимульного списка почти исключает влияние предыдущего стимула (стимулов) на состав ассоциативного поля.

В психолингвистике на основании экспериментальных ассоциативных методик сделан вывод о наличии в языковом сознании носителей языка ядра, которое «формируется из тех слов (идей, понятий, концептов) в ассоциативно-вербальной сети, которые имеют наибольшее число связей, т. е. вызваны в качестве ответов на наибольшее число стимулов» [Караулов, 2000. С. 194]. По данным эксперимента были составлены ассоциативные поля, а компьютерная обработка реакций (построение Обратного словаря) позволила выявить ядро языкового сознания подростков. Состав ядра определялся по методике А. А. Залевской [1981], разработанной ею для расчета ядра ментального лексикона и широко используемой для выявления ядра языкового сознания индивида. Из обратного ассоциативного словника были выбраны 30 слов, вызванных наибольшим количеством стимулов: *человек, жизнь, деньги, хорошо, любовь, друг, дом, лох, плохо, урод, я, сила, ребенок, красивый, смерть, большой, кайф, умный, сильный, люди, много, счастье, радость, зло, время, добро, день, мир, семья, мужчина* (слова представлены в порядке уменьшения показателей по шкалам «Абсолютная частота встречаемости слова в качестве реакции на все слова стимульного списка» и «Количество разных слов-стимулов, реакцией на которые является данное слово»).

В 2008 г. был проведен пилотажный эксперимент (объем выборки – 100), цель которого – установить, произошли ли изменения в ассоциативных полях ядерных слов; если произошли, то определить их характер и

интенсивность. Анализ полученного ассоциативного материала позволил выявить динамику языкового сознания подростка, обусловленную в первую очередь социокультурными факторами. Качественно-количественные изменения в первых пяти реакциях (ядерных, высоко частотных) произошли в ассоциативных полях «Деньги», «Жизнь», «Любовь», «Кайф», «Зло», «Счастье». В остальных исследуемых полях установлены различия на периферии, т. е. в низкочастотных и единичных реакциях.

Третий этап трендового исследования – ассоциативный эксперимент, методика проведения которого максимально совпадает с методикой эксперимента 2002 г. Отличие только в наборе и количестве стимульных слов. На третьем этапе мы использовали в качестве стимулов только слова, зафиксированные в построенной нами модели ядра языкового сознания подростка.

Цель третьего этапа исследования – установить степень устойчивости ассоциативных полей, определить то неизменное, стереотипное, ядерное, что сохраняется в ассоциативном поле одного стимула, а значит, представлено и в языковом сознании наших респондентов.

Для сопоставительного анализа мы выбрали ассоциативные поля «Жизнь», «Счастье» и «Любовь». Из одноименных полей, смоделированных на материалах двух экспериментов (Э-1 2002 г. и Э-2 2012 г.), были выбраны одинаковые для обоих полей реакции и проведен их качественно-количественный анализ.

В таблице представлены следующие данные: общие для двух экспериментов реакции на каждый стимул (количество общих реакций сокращено, однако указано их конечное число); количество каждой реакции на соответствующий стимул для Э-1 и Э-2; количество общих реакций в каждом поле; процент общих реакций от всего количества реакций в ассоциативном поле (в полях «Жизнь» и Счастье» во всех экспериментах объем выборки – 500; в поле «Любовь» (Э-2) – 700). Необходимо отметить, что при анализе ассоциативных полей учитывались все реакции, как ядерные, высокочастотные, так и единичные.

Анализ результатов трендового исследования с использованием материалов даже трех ассоциативных полей из тридцати позволяет констатировать высокую степень

Жизнь	Э-1	Э-2	Счастье	Э-1	Э-2	Любовь	Э1	Э-2
Смерть	98	151	Радость	184	109	Чувство	109	76
Дорога	56	6	Любовь	66	63	Счастье	71	52
Радость	57	10	Жизнь	43	9	Секс	64	13
Жизнь	30	6	Горе	26	19	Сердце	58	32
Кайф	17	10	Хорошо	4	11	Дружба	47	9
Существование	15	10	Семья	16	9	Морковь	22	19
Свобода	2	13	Удача	11	7	Кайф	12	22
Любовь	2	11	Деньги	10	11	Семья	12	3
Хорошо	1	10	Здоровье	4	2	Жизнь	11	8
Путь	3	8	Веселье	3	5	Поцелуй	10	4
Вечность	7	7	В деньгах	2	2	Нежность	9	5
Прекрасна	4	7	Добро	2	5	Свадьба	8	2
Долгая	2	6	Много	1	5	Ненависть	7	7
Игра	1	6	Смех	2	4	Девушка	6	8
Время	6	5	Свет	1	3	Вечность	4	3
Всего 40 реакций	365 73 %	313 62,6 %	Всего 18 реакций	392 78 %	285 57 %	Всего 27 реакций	486* 69,4 %	322 64,4 %

* При объеме выборки 700.

стереотипности ассоциаций и их устойчивость в экспериментах, проведенных с интервалом в 10 лет.

Учет всех реакций, включая единичные, позволил получить точные данные о характере ассоциирования и количестве общих для двух этапов исследования ассоциаций. Кроме того, мы можем определить характер совпадения реакций. Например, *счастье* → *любовь*: 66 и 63 (почти полное совпадение в реагировании данным ассоциатом) и *жизнь* → *дорога*: 56 и 6 (значительное расхождение в количестве данной реакции в каждом поле).

Итак, мы показали только один аспект трендового исследования – определение «констант сознания», устойчивых реакций, повторяющихся в экспериментах с интервалом в 5–10 лет, и сделали вывод о высоком проценте совпадения ассоциаций, не только ядерных, но и периферийных, низкочастотных и единичных: в исследуемых ассоциативных полях установлено совпадение от 57 до 78 %. Эти выводы еще раз подтверждают положение, выработанное в психолингвистике, о постоянстве, устойчивости ассоциативных связей элементов ядра языкового сознания в ассоциативно-вербальной сети индивида.

Другие аспекты трендового исследования – динамика языкового сознания, изменение ценностных ориентаций респондентов – безусловно, ждут своего изучения, ведь даже самые малые, незначительные изменения в структуре и наполнении ассоциативного поля оказываются достаточно значительными при исследовании языкового сознания носителей русского языка

Список литературы

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: Учебник для вузов / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2001.

Гальперин П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимодействия языка и мышления // *Вопр. философии*. 1977. № 4. С. 97–101.

Гуц Е. Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск: Вариант-Сибирь, 2004.

Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2003.

Залевская А. А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // *Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики*. Калинин, 1981. С. 28–44.

Залевская А. А. Языковое сознание: вопросы теории // *Вопр. психолингвистики*. 2003а. № 1. С. 30–34.

Залевская А. А. Языковое сознание и описательная модель языка // *Методология современной лингвистики*. М.; Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003б. С. 35–49.

Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // *Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой*. М., 2000. С. 191–206.

Стернин И. А. Язык и национальное сознание // *Логос*. 2005. № 2 (49). С. 140–155.

Стеценко А. П. О специфике психологического и лингвистического подходов к проблеме языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М., 1993. С. 22–34.

Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // *Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой*. М., 2000. С. 24–32.

Тарасов Е. Ф. Языковое сознание и его познавательный статус // *Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент*. М., 2001. С. 301–311.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян // *Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой*. М., 2000. С. 207–219.

Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования // *Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой*. М., 2000. С. 13–23.

Материал поступил в редколлегию 05.11.2012

E. N. Guts

LANGUAGE CONSCIENCE: AN EXPERIMENTAL PARADIGM (TRENDING STUDY)

The article presents a method of trending study (2002–2012), describes the main stages of the experiment and the results of a comparative analysis of 3 associative fields.

Keywords: language conscience, trending study, associative experiment, associative field, core of a teenager's language conscience.